

В. Ю. Коровин

ФЕНОМЕН СТРАННИЧЕСТВА В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

В мифопоэтическом представлении пространства у любого народа центр и путь являются его основными элементами. Тем самым, спонтанный жизненный опыт, обретая свое кумулятивное и концентрированное выражение в мифологии, особенно подчеркивает стимулирующее воздействие на человека новых земель. Многими мыслителями не раз отмечалось, что человеку от природы присущ «инстинкт поиска», а неземная тяга вдаль отвечает его общим потребностям и интересам. Подобные религиозные и философские прозрения на практике подтверждаются историческими свидетельствами, согласно которым выход на новые основания порождает сильный эффект.

Путешествие призвано удовлетворить «исконные человеческие желания» (открытие нового, объединение, испытание), возможно, поэтому писать о путешествиях — очень давняя традиция. В многочисленных сагах «аргонавты» делали одно общее дело — бросали вызов сепаратизму и могущественному «духу местности», несмотря на предостережения «мудрецов» и обывательского здравого смысла. Смело нарушая обычный ход жизни, они стремились победить косность повседневного уклада и «встряхнуться». В тех обстоятельствах, когда коллектив впадал в кризис, именно путники возвышались до уровня вождей, указывающих другим то место, где они могут устроиться иначе, чем прежде. Потому каждая деталь в словах путников поначалу казалась принимающей их общине непрерывной антитезой всему привычному (Шепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX—XX вв. М., 2003. С. 117).

Несмотря на обширный и неоднородный состав путешествующих, общим для них остается перемещение. Как путники-одиночки, так и представители «перехожих артелей» прочно связаны с дорогами (конкретными местами на земле, по которым следует передвигающийся), знают завораживающую силу путей (передвижения вообще). Однако пере-

движение вместе с племенем (внутри коллектива) и движение к известной или неизвестной цели в одиночку — две разные стратегии культурного бытия. В первом случае индивид как бы остается «дома» (среди своих); вторая ситуация является результатом изгнания (вынужденного или добровольного) и выступает основным культурным сценарием. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что путешествие — один из основных культурных сюжетов, возникших в древности и сохранивших свою актуальность в нашу эпоху (Суродина Н. Р. Онтологическая поэтика путешествия, или странничество как культурный первосценарий // Культурное пространство путешествий. Тезисы форума. СПб., 2003).

В коллективном сознании русского народа также неизменно и ошутимо присутствует единый концептуальный комплекс, связанный с идеей «странствия». Сам термин «странствие» содержит огромный запас смыслов, продуманных и прожитых не одним поколением русских людей. Как показывает этимология, в основании слова лежит индоевропейский корень *ster, соответствующий таким значениям, как «расстилать», «расширять», «распространять» (в том числе в отношении к миру «вертикальному»). Значения образованных от праславянского элемента слов при всем их разнообразии не выходят из круга таких смежных представлений, как изменение движения в направлении от середины; противоположность одного состояния поверхности другого (Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1999. Т. 2. С. 206). В наречиях славянского языка закрепляется форма «сторь» со значениями «бок», «каждый из двух противников», «земля», «край». Кроме слова «странница», все производные от «сторона» распадутся на две семантические группы:

1) когда речь идет о дальнем пути, о чужбине;

2) когда речь идет о чужом, чудном, необычном.

В ходе времени сама форма подвергается определенной трансформации, и получается

слово, весьма знакомое даже современникам, — «странствовать» («не жить на одном месте»). Как действие по глаголу образуется слово «странствие» и однокоренное ему — «странствование», обозначающие дальнейшее путешествие из одной местности в другую, жизнь в постоянных переездах. Нельзя назвать «странствием» маятниковые поездки (разобшенность места жительства и места приложения труда) и кочевничество (обитание на всей охваченной перекочевками территории жизнеобеспечения). По своему значению «странствие» ближе всего к понятию «миграция», которое указывает на перемещение людей (как внутри страны, так и с пересечением ее границ), связанное с переменной места жительства.

В древних текстах, где «странствие» является калькой с греч. — ξενίζομαι и лат. — peregrinationem («гостить на чужой стороне»), семантическая емкость лексемы особенно отчетлива. Прежде всего словом «странный» обозначалась «чужая сторона», «чужой народ». По замечанию специалистов, русский человек понятие «другого» в первую очередь распространял на тех, кто не принадлежит к данному пространственному локусу — на иностранцев. Чужеземец — это тот, который, странствуя, пришел из другой страны, поэтому он и сам странный, то есть необычный, непохожий на других, что может быть чревато неожиданностями. В народных легендах странниками, обладающими определенной харизмой или редким качеством, часто выступают неузнанный Бог и Его святые спутники, которые обходят землю и испытывают людей на добрые дела (Шивьян Т. В. Семиотические путешествия. СПб., 2001. С. 65).

В дальнейшем разворачивание внутренней формы лексемы предполагает не только объяснение, но и оценку этой «дружости», которая детально разрабатывается по разным критериям. Основным является «оценочный»: «хороший/плохой», «верный/неверный», «добрый/злой» — оппозиции, которые в зависимости от обстоятельств могут быть переориентированы в каждом конкретном случае. Например, странником может называться отчужденный или отлученный от чего-либо человек (Старославянский словарь [по рукописям X—XI веков]: около 10 000 слов. М., 1994. С. 628). Второстепенным критерием противопоставления «свой/чужой» служит «признаковый» критерий. В зависимости от причин, подтолкнувших людей на долгие странствия, выделяются несколько основных форм отчужденности от дома, которые в разных вариантах и комбинациях присутствуют

Глазунов И. С. Странник.
Иллюстрация к роману
П. Мельникова-Печерского «В лесах». 1963

в русской культуре. Эти формы представлены следующими фигурами: 1) эмигрант; 2) экспатриант; 3) номад; 4) путешественник.

Эмигрант, взятый в исторической перспективе и самом общем схематичном виде, — это человек, вынужденно покинувший свой дом. Сюда относятся «неимушие поневоле» (вынужденные переселенцы; захребетники; погорельцы и нищие, понесшие материальные убытки от разгромов и пожаров, моровых поветрий и голодных времен) и «несчастливые беглецы» (нишеброды, притесняемые и обижаемые родственниками; бобыли; жертвы «лихих» людей; уроды, слепцы и калеки).

Экспатриант — человек, оказавшийся за пределами родины по собственной воле, но не ставший себе целью там обосноваться. Сюда можно отнести скитальцев-прагматиков (яшики и отходники-промысловики, не желающие крестьянствовать; мореплаватели и другие искатели новых земель; купцы, стремящиеся к стяжанию богатства) и странствователей-интеллектуалов (вожеры, разъезжающие сухопутно или морем по разным местам и странам чаще всего с целью получения образования).

Номад — человек, воплощающий перманентную безместность, не стремящийся иметь

Глазунов И. С. Странники.

Иллюстрация к рассказу Н. С. Лескова «Пугало».
1971

дом и оказавшийся вытесненным на периферию общества, в позицию маргинального существа. Главные отличительные признаки номад — отсутствие единого корня, привязывающего его к определенному локусу, неподчинение централизованной власти, невхождение в линейность истории. Эту группу обычно составляют бродяги-правонарушители (деклассированные элементы из крестьянства, горожан, военнотружеников и духовенства; ушкуйники и разбойники; беглые каторжники) и простодушные бродяги (проповедники различных раскольничьих толков и учений, призывающих к максимальному опрошению и удалению от общества).

Путешественник — это человек, странствующий «по внутреннему призванию», либо ввиду «потребности путешествовать». Он не испытывает разрыва с традицией, но перемещается в отличное от привычного культурное пространство с целью открыть для себя некую реальность, недоступную в пространстве родного дома. С эмигрантом путешественника сближает вера в существовании где-то в реальном географическом пространстве некоего подобия «идеального острова», которого он лишен в ситуации «здесь и сейчас».

При этом у путешественника отчуждение не сопровождается особым переживанием меланхолического чувства утраты любимого объекта. Он находится в постоянном поиске наиболее достоверного и аутентичного, часто создавая на основе увиденного мифологический образ земного «рая» или «ада», к которому в ретроспекции будет стремиться или от которого будет отталкиваться (Бугаева Л. Д. Мифология эмиграции: геополитика и поэтика // За пределами. Интеллектуальная эмиграция в русской культуре XX века. Frankfurt am Main, 2006. С. 53).

В общеупотребительном значении «путешественник» — это человек, чаще странствующий пешком, заходящий с чужбины, незнакомый пришелец, ищущий где-нибудь временного приюта. Среди путешественников выделяются две фигуры: во-первых, турист, отличающийся фиксацией на объекте туристической поездки; во-вторых, странник, смысл путешествия которого связан, скорее, с самим процессом движения. Если турист — в большей степени искатель новых впечатлений для своего творчества и в меньшей — искатель философских смыслов, то странник — искатель смысла существования. Таким образом, путешественник, преодолевающий в сознании рамки конкретного географического объекта и стремящийся к некому метафизическому объекту, а в итоге к самопознанию, превращается в странника, а его путешествие — в странничество. По замечанию бытописателя С. В. Максимова, странники, на всю свою жизнь обреченные на хождения, ищут, с переходами и остановками, в чужих краях потерянное счастье (Максимов С. В. Бродячая Русь Христа-ради. СПб., 1877. С. 241).

В народе странниками чаще всего называли людей, ходящих с усердием и любовью по так называемым святым местам и особо почитаемым отдаленным монастырям, постоянно молящихся за кого-нибудь и живущих милостыней. Еще в первых княжеских уставах в перечне церковных людей, наряду с «попом, дьяконом, паломником и слепцом», упоминается «сторонник». Странник — это не бродяга, не «голь перекастная», которые кочуют с места на место в поисках «доходных» мест, где бы в угоду им текли медовые реки. Хотя в нем есть черты беглеца и искателя приключений, тем не менее, не они определяют его подлинную сущность. В специальном значении странник — это человек, который предпринимает «выход» из «суетного мира» ввиду высоких религиозных чувств и склонности к набожности. Отсюда — искомое нами понятие «странничество» в значении культурно-

бытового явления, связанного со странствованием пешком в целях богомолья.

С ранних текстов устойчивой также является предельно широкая и метафорическая трактовка странничества: как стиля жизни, то есть именно так, как это слово употребляется и сегодня. Устаревшее слово «странничать» говорит больше о намерении вести отличную от других людей жизнь, принимать на себя обет «пришлого человека», переоблачаться. Как внутренняя установка странничество ассоциируется не с внезапным импульсом, а с устойчивым состоянием сознания, склонностью действовать определенным образом. Поэтому русское слово «странничество» часто употребляется в значении аскетического термина как невозвратное оставление человеком в своем отечестве всего, что сопротивляется его стремлениям к благочестию. Странничество есть недерзновенный нрав, неведомая премудрость, утаиваемая жизнь, невидимое намерение, хотение уничтожения, желание тесноты, путь к Божественному вождению, обилие любви, отречение от тщеславия (Преп. Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица. М., 2004. С. 33).

Странничество отличается от всяческих странствий (как в сакральные, так и профан-

ные места) тем, что не ведает конечной цели в социофизическом пространстве. Как замечает философ И. П. Смирнов, для странника незначимы любые земные границы, пересекаемые им. Становясь странником, мигрант достигает своего максимума, отличаясь от всех тех, чей маршрут проложен из одной определенной точки в другую. Земные дороги направляют странника в некую духовную реальность; его странничество — это путешествие в тайный, скрытый от посторонних, неисчерпаемо богатый нравственный мир личности. В своих скитаниях он стремится так или иначе сопережить Фаворское чудо, спиритуализацию тленной плоти, ставя себе задачей самосовершенствование. Он не имеет однозначной ориентации в эмпирическом мире и восполняет эту нецелелеположенность тем, что придает векторность внутреннему движению (Смирнов И. П. Генезис. Философские очерки по социокультурной начинательности. СПб., 2006. С. 238).

Странничество как культурное, сопровождаемое текстоположением явление берет начало в древности и достигает расцвета, когда Русь почти одновременно выпадает сразу из двух главных для нее культурно-социальных симбиозов — с татарами и Византией.

Коровин С. А. К Троице. 1902

Именно в период испытанной страной избыточной свободы формируется репертуар «калик перехожих» — представителей «творческого цеха бродячей Руси Христа-ради», освятивших свое странствие религиозным трудом. Заходя по пути к Святой земле поклониться святыням родной русской земли, они исполняли сочиненные в дороге духовные старины. Их словесное творчество, приближающееся к жанру метанойи, указывало слушателям на то, как можно попасть из преходящего и ложного в бытийную длительность. Корпус текстов был таков, что в них прослеживалась человеческая история от отправного момента до самого конца, в то же время знаменующего новое бытийное начало, которое несет с собой Второе пришествие Христа.

В народном сознании выборные из среды мирян певцы были окружены светлым мифическим ореолом как глашатаи божественных словес. Духовные стихи, преподносившиеся публике во внехрамовой обстановке, с одной стороны, предсказывали полное обновление истории, а с другой — являлись неким ультимативным призывом, требовавшим от слушателей не мерить жизнь по исходно неверным критериям, но преобразовать ее во всем объеме. Основной мотив их творчества — подъем от смерти к жизни, от беспросветной тоски к светлой радости, что свидетельствует об установке на выстраивание антикарнаваль-

ной (хотя и решительно реорганизованной) культуры. Если участники карнавала перекраивают идентичность в смеховом акте, рассчитанном на получение материальной выгоды, то в духовных стихах ее изменение не просто осерьезнивается, но и сакрализуется. В своих «путевых очерках» общественный деятель А. Н. Муравьев отмечает, что «назидательные» богомольцы всегда безошибочно узнаются в толпе прохожих, ибо в течение целого дня стоят на пути паломников и читают вслух акафисты, не обращая внимания на подавание, которое им бросают (Муравьев А. Н. Путешествие по святым местам русским. М, 1990. С. 29).

Однако в русской культуре это кенотическое и сотериологическое странническое движение не было всецело принято в социальное лоно институций. Подготовленный опричной Ивана Грозного раскол XVII века поселил тревогу и сомнение в русскую душу, что в конечном итоге повлияло на возникновение секты «бегунов». Своим источником «новое движение» имело фанатичное убеждение, что все существующее «сегодня» на русской земле заклеено скверной печатью антихриста. Первой реакцией на «общественное зло» стало безоглядное устремление прочь от «коварного мира» в поисках несбыточной святости в потонувшем Китеже. Перемещение людских масс из формы молчаливого протеста

Чирков А. Н. Калики перехожие. 1941

превратилось в массовое скитание по «пустыням», сопровождаемое шумными проклятиями и анафемами. По замечанию ученого И. Н. Харламова, характеру такого движения вполне соответствовал его состав, пополняющийся преимущественно за счет легковверных и экзальтированных проповедников с расшатанной нервной системой (Харламов И. Н. Странники. [Очерк из истории раскола]. М., 1884. С. 13).

В лице еще одного принципиального реформатора, Петра I, высшая власть, соперничавшая со спонтанной устремленностью народных слоев к небывалому прежде самоопределению, постаралась обуздать исполнителей духовных стихов, пространственно закрепостив их в монастырях. В XVIII рационализм и «дух неверия» открыто бросили вызов страннической креативности, предопределив ее к тому, чтобы оставаться вне отчетливо легитимных рамок. Новый тип пустил корни не только в мужицкой жизни, но и в жизни дворянской и разночинской интеллигенции. Теперь раскольник-старовер и «аристократ-скиталец», правда по разным причинам, но оба искали выключенности из истории. Чувство исторической оторванности от почвы у скитальцев петербургского периода русской истории усугублялось трагизмом трансцендентальной бесприютности, связанной с потерей Бога. По мнению венгерского ученого З. Хайнади, у скитальца было не легкое чувство странника; скитания такого отщепенца, в отличие от героических путешествий, предпринимаемых ради совершения подвигов, были вынужденные (Хайнади З. Странник и скиталец в европейской и русской литературах // Литература. 2003. № 31).

Русский скиталец явился своеобразной модификацией странника, жаждущего действия, но сломленного, бегущего из города, стремящегося уйти из цивилизации как существо, не нашедшее себе полезного дела. Так называемое «богоискательство», «святое беспокойство» — то, в чем видят нередко сущностное свойство русского религиозного странничества, — на самом деле суть явления нового времени. Как верно замечает историк церкви Г. П. Федотов, странничество в духовном смысле, как «взыскание Града», не было свойственно Древней Руси. Странничество с присущими ему острыми порывами покаяния и религиозными переломами в быте тогда еще не носили характера религиозной тревоги (Федотов Г. П. Святыя Древней Руси. М., 1990. С. 237).

В подпочвенных слоях русской культуры сложилась «своя» странническая традиция с

подвижной духовно-нравственной гранью. В моральном пространстве такое перемещение связано не с тем, что человек изменяется, а с тем, что реализует свои внутренние потенции, которые зачастую могут облекаться в форму «тунеядного шатания» из стороны в сторону. Вместо движения по траектории реализуется свободная непредсказуемость направления движения, которому в русском языке соответствует глагол «путлять», то есть идти не как следует. Человек «духовного распутья» не имеет запрета на движение в каком-либо боковом направлении, а потому его хождение почти всегда исполнено неустроенности. Здесь «дорога-судьба» предстает бесконечным и безблагодатным путем, а «участник движения» повторяет путь героя одной славянской легенды, который был заколдован злым духом и вечно блуждал по лесу, тшетно пытаясь возвратиться домой. Русский мыслитель Г. Флоровский особенную страсть русского человека к праздному томлению на роковых перекрестках как раз и объясняет не «естественной» текучестью народной стихии, а нерешимостью сделать выбор и творчески принять историю как странствие и дело.

Скитальчество Серебряного века претендовало на то, чтобы стать особой контркультурой, прагматически ориентированной и долговременно конкурирующей с официальной. В своем сочинении священник С. Сидоров дает точную характеристику двум основным путям русского странничества. Первый — путь русских интеллигентов, аскетов с пробудившейся совестью, жаждущих веры, но не могущих ее обрести. Они не доверяют своим встречам и беспокойно мечутся от монастырских келий к озеру Светлояру. Второй — светлый путь странничества ради самого странничества, а не ради ухода, когда, порвав с уютом, становятся на дорогу странниками во имя Христа для того, чтобы с нее уйти в могилу. «Они видят Христа, грядущего по весям и долам, по тропам лесным и берегам глубоких рек, и идут за Ним, радостные, твердо веря, что эта дорога земная подымет к небу и сольется со светлой дорогой надзвездной» (Сидоров С. О странниках русской земли. М., 1999. С. 94).

В Российской империи странничество имело одновременно и жизнестроительный, и разрушительный характер, нередко выпадая из церковно-государственной нормативности. Причем скитания в необозримые путаницы дорог в своем текстовом и поведенческом качестве отнюдь не исчерпывались эстетической сферой. Следуя идеологии практики-борьбы за материальное преобразование

мира, нигилистическая мораль перекодировала странничество в «революционное удаление» самого этого мира как несовершенного. Как замечает философ С. Л. Франк, в бунтаре содержание нравственности элементарно до последней степени; в своих поисках он руководствуется вечной мечтой о «безболезненной жизни, соединенной с аскетическим самосохранением и пренебрежением к самоценным духовным запросам».

В советский период «странничество» окончательно утратило свою былую связь с религиозно-нравственными явлениями. После революции и периода сталинизма странничество, бывшее всегда духовным феноменом, выродилось в сугубо жизненную и земную необходимость для детей, которым пришлось испытать развал семейных устоев общества. Следующая за этим «оттепельная культура путешествия» по способу передвижения уже больше напоминала военный «сбор», что нашло отражение в использовании популярного слова советского общественного дискурса — «поход». Главным субъектом здесь являлась личность, не имеющая индивидуальных

целей, а идейной доминантой вместо поиска высших смыслов стал уход, действие против кого-либо или чего-либо. В постсоветское время странничество еще значительнее детерминологизировалось: назвать кого-нибудь странником, значило почти навсегда обидеть человека, подчеркнув его «несвоевременность» и «никчемность».

Таким образом, можно говорить о том, что странническая культура, окончательно уничтоженная в период тоталитаризма, пала жертвой не столько полицейских мероприятий, сколько самоликвидации. И все же тот факт, что сегодня в нашей стране чрезвычайно усилился интерес к некоторым похожим по выражению субкультурным направлениям (бэкпэкинг, автостопинг, трекинг), позволяет говорить о том, что странническая модель поведения органично унаследована русской культурой. Названные современные явления еще ожидают своего вдумчивого исследователя с тем, чтобы, выражаясь словами Н. С. Лещова, можно было разобрать, что «тут возвышается над чертой нравственности и потому свято Господу».

